

М. В. Бавсун

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В «ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА»

В данной работе уголовно-правовое воздействие рассматривается как явление, трансформация которого в современных условиях происходит в первую очередь на идеологическом уровне. Отмечается, что изменение именно идеологического наполнения данного института привело к его постепенной деградации и отчасти утрате сущности. Его непрекращающаяся трансформация, происходящая в последние годы, меняет уголовно-правовое воздействие не только и не столько количественно. В его содержании происходит кардинальная смена основной идеи, нивелирующая отношение к механизму уголовно-правового принуждения как к основному карательному инструменту государства в противодействии преступности, что во многом обусловлено продвижением постулатов постмодерна, отвергающего прежние ценности, знания и представления о явлениях, имеющих устоявшийся характер.

Не ставя под сомнение зависимость уголовно-правового воздействия от происходящих в обществе процессов, автор обращает внимание на их беспрецедентный характер, затрагивающий базовые ценности, которые имеют ключевое значение для современного общества. Отмечается, что уголовно-правовое воздействие, с одной стороны, является прямым следствием государственной политики, а с другой — выступает в качестве одного из эффективных средств претворения идей нового порядка в реальную действительность. На основе действующего зарубежного уголовного законодательства, изменений и дополнений, вносимых в российский уголовный закон, а также процессов политического характера показывается роль средств уголовно-правового воздействия в юридическом закреплении (происходит на общесоциальном уровне смены ценностей). С учетом этого проблема дальнейшего развития уголовно-правового воздействия выводится на уровень трансформации базового представления о нем как о явлении, поэтому, по мнению автора, сегодня особый интерес для исследования представляют вопросы, связанные не с корректировкой отдельно взятых мер воздействия на лиц, совершивших преступление, а в целом направление развития уголовно-правового воздействия и его роль в механизме государственного принуждения.

Ключевые слова: постмодерн, уголовно-правовое воздействие, уголовная политика, преступность, противодействие.

М. V. Bavsun

CRIMINALLY-LEGAL INFLUENCE IN THE «SOCIETY OF POSTMODERN»

In the article the criminal-legal influence is regarded as a phenomenon, transformation of which takes place primarily at the ideological level under modern conditions. It is noted that the change of the ideological content of the mentioned institution has led to its slow degradation and partly to the loss of its essence. Its continuous transformation taking place in recent years changes the criminal-legal influence not only quantitative. The change of the basic idea takes place in its content mitigating the attitude to the mechanism of criminal-legal compulsion as the main penal instrument of the state to counteract crime. It is largely due to the promotion of postmodern postulates rejecting the former things of value, knowledge and concept of phenomena having the long-standing nature.

There is the dependence between criminal-legal influence and ongoing processes in the society. It is referred to their unprecedented nature affecting the basic things of value that are of crucial significance for modern society. It's been noted that the criminal-legal influence is a direct consequence of state policy on the one hand, and it acts as one of the effective means implementing ideas of new order in real life, on the other one. On the basis of the foreign criminal law, alterations and additions (amendments) introduced into the Criminal Law of the Russian Federation and also the processes of political nature it has been demonstrated the role of criminal-legal influence in legal confirmation of replacement of things of value taking place at the social level. On this basis the problem of further development of criminal-legal influence is placed on the transformational level of its basic idea as a phenomenon. In author's opinion of particular interest to study today are issues involving not the improvement of individual measures against the perpetrators but the whole direction of development of criminal-legal influence and its role in the state coercion mechanisms.

Key words: postmodern, criminal-legal influence, criminal legal policy, crime, counteraction.

В последние несколько десятилетий общественное развитие прошло ряд крайне важных этапов, в рамках реализации которых в сознание граждан целенаправленно насаждались различные и не всегда традиционные идеи. Важно отметить, что часто их приоритетность определялась именно атипичностью, нехарактерностью и даже противоестественностью, отвергала ранее сформировавшиеся и считавшиеся незыблемыми ценности, имевшие многовековую историю становления. Кроме того, чем больше та или иная идея выходила за рамки сложившегося представления, тем большую поддержку она находила в массмедиа, а также на уровне органов государственной власти, обеспечивающих ее продвижение в реальную жизнь. Собственно сам факт наличия таких идей и составляет основу постмодерна, опирающегося «...на недоверие к традиционным реалистическим концепциям, к истинности отражения реальности человеческими органами чувств» [1], влечет за собой «...радикальное изменение во всех сферах человеческого существования» [2, с. 39, 40], обусловленное разочарованием в прежних идеалах и ценностях [3, с. 668].

При этом реализация идей подобного рода в первую очередь затронула западное общество, где постулаты постмодернизма и мультикультурализма, начиная с 70-х гг. XX в. стали оказывать колоссальное влияние на сознание каждого индивидуума в отдельности и коллективный разум в целом. Их воздействие в некий момент стало настолько мощным, что это в целом предопределило направление развития западной культуры в сторону смещения традиционных ценностей и их последовательной заменой псевдокультурными составляющими. Сегодня сформировавшийся подход проявляется на всех уровнях, включая межгосударственный, когда, например нетерпимость к однополым отношениям в России выступает поводом для отсутствия Президента Соединенных Штатов Америки на Зимней олимпиаде в Сочи в 2014 г. [4], а уже в 2017 г. одной из официальных тем для переговоров между главами государств служит нарушение прав лиц нетрадиционной сексуальной ориентации в Чеченской Республике [5].

В наши дни мы наблюдаем столкновение нескольких моделей общественного устройства, отличающихся друг от друга прежде всего культурным наполнением, где восприятие одних и тех же ценностей осуществляется принципиально различным образом. При этом следует отметить, что, несмотря на ожесточенность противостояния, идея необходимости смены парадигмы особенно в последние 20—25 лет все агрессивнее внедряется на территории всего постсоветского

пространства, включая Россию. Идеи подобного рода начинают приносить успех на фоне деидеологизации нашего общества. Ее начало приходится на 90-е гг. прошлого столетия и характеризуется заменой фундаментальных ценностей, на которых выросло не одно поколение. В свою очередь их недостаток или полное отсутствие в культурном наполнении общественных отношений позволяет проникать сюда идеям принципиально иного, прямо противоположного свойства. Часто эти идеи носят откровенно разрушительный характер, они призваны трансформировать уже имеющуюся реальность и таким образом обеспечить требуемое, но уже принципиально иное мировосприятие. Эти идеи внедряются и в сферу уголовно-правового воздействия, которое не может оставаться в стороне от происходящих процессов, а выступает одним из важных элементов их реализации. Безусловный интерес в этом отношении представляет взгляд на зарубежное законодательство, в полной мере впитавшее идеологию нового порядка. Являясь его олицетворением, нормотворчество, в том числе уголовно-правовое направление, не только обосновывает эту идеологию, но и отстаивает ее, выступает в качестве базы, надстройки для ее дальнейшего «совершенствования». С одной стороны, оно имеет жесткий крен в сторону реализации начала целесообразности, направлено на обеспечение безопасности в обществе и при этом не ограничивается в выборе средств, с другой — исходит из толкования той же безопасности в совершенно ином, а нередко и противоестественном смысле. Ж.-Ж. Руссо по этому поводу писал, что в людях его времени развивается «глубокое равнодушие к добру и злу, наряду с пристрастием к высоконравственным речам, или все сводится к внешности, все становится деланным и притворным, и честь и дружба, и добродетель, а часто и самые пороки, так как люди открыли в конце концов тайну выдавать их за особые достоинства» [6, с. 107]. Из этого следует, что замена системы ценностей происходила в течение нескольких столетий, а сама трансформация не могла не затронуть уголовного законодательства, которое традиционно выступало одним из средств эффективной поддержки (в том числе за счет полного игнорирования очевидно опасных проявлений для общества) новых начинаний.

Открытую демонстрацию подобного подхода можно наблюдать в современных актах, регламентирующих уголовно-правовые отношения. Ярким тому примером является уголовное законодательство Нидерландов. Уголовный закон этого государства представляет

собой документ, оправдывающий абсолютное большинство существующих пороков. Интересное замечание по этому поводу высказывает И. М. Клейменов. Он отмечает, что в Нидерландах, где частично легализованы наркотики, проституция и даже эвтаназия, законодатель счел необходимым сократить раздел, предусматривающий ответственность за дуэль. Налицо безусловный парадокс: «Опасно то, чего нет, зато совершенно не опасно то, что есть. Следует только придерживаться принципа толерантности, не замечать определенных девиаций (а лучше перестать признавать их таковыми), и тогда криминологическая картина предстанет совсем не мрачной, а, напротив, внушающей социальный оптимизм» [7, с. 203].

Проблема в том, что приведенный выше пример типичен не только для Нидерландов, а в целом характеризует состояние уголовно-правового воздействия и его подчиненность происходящим в современном обществе процессам. На аналогичные позиции становится даже Организация Объединенных Наций (ООН), о чем свидетельствует заявление, сделанное действующей под ее эгидой комиссией по противодействию наркотикам, указывающее на необходимость фактической легализации наркотиков во всем мире, так как карательные меры якобы уже доказали свою неэффективность и чрезвычайную затратность [8, с. 40, 41]. Отсюда следует вывод о масштабности того влияния, которому сегодня подвергается система уголовно-правового воздействия, «обслуживающая» интересы подобного рода. Авторитет государства или даже межгосударственных объединений, таких как ООН, используется для перестройки не только мировоззренческого, но и национально-религиозного сознания целых народов [9, с. 39], доводя таким образом идеи отрицания до абсурда и пересекая все мыслимые пределы «криминологической меры» [10, с. 28]. Терпимость к крайним проявлениям девиантного поведения не может рассматриваться с позиции идей либерализма или гуманизма, имеющих под собой совершенно иную основу. Такое поведение само по себе выступает в качестве криминогенного фактора, провоцируя не просто рост преступности (хотя и это тоже), но и оправдывая ее, делая преступное непреступным.

Впрочем, даже в случаях признания отклоняющегося поведения общественно опасным, современная западноевропейская модель правосудия предусматривает максимально терпимое отношение к лицам, его допустившим. Достаточно вспомнить дело Брейвика. Несмотря на понесенное суровое по европейским меркам наказание, он, тем не менее, находится в исключительных (положительных)

условиях его отбывания, постоянно требует (в том числе публично) все новых льгот и привилегий для себя. Все это вписывается, а точнее является прямым выражением идеи толерантности, которая в современном направлении постмодерна занимает одно из центральных мест. В конечном итоге столь специфическое представление как о самом пороке, так и об ответственности за него привели к не менее специфическому состоянию общественного сознания, в полной мере впитавшего эти идеи и не способного принять обратное. То, что еще 25—30 лет назад казалось незыблемым и не подвергалось даже малейшим сомнениям, теперь считается чуждым и, более того, опасным. Отсюда вытекает вторая составляющая — это отношение к тем, кто допустил девиантное поведение, оказавшееся не просто откровенно слабым или вообще ненаказуемым, а за счет такого отношения государства во многом поощряемым. Отсутствие страха перед наказанием, сокращение его карательной составляющей [11, с. 14] привели к значительному снижению порога уступчивости в процессе выбора между правомерным и преступным поведением. Вся модель уголовного правосудия оказалась во власти данной идеи, с одной стороны, выступая в качестве средства ее реализации, с другой — основательно ее утверждая в общественном восприятии¹.

В. В. Лунеев отмечает, что в сложившейся ситуации вновь сталкиваются эффективность и гуманность как две основополагающие идеи [13, с. 860]. Однако применительно к данному случаю речь следует вести даже не о гуманности, так как основная идея направлена не на снижение объема уголовной репрессии, а на смену всей парадигмы общественного устройства, где места для карательного элемента воздействия остается все меньше, но в силу обстоятельств уже совершенно иного рода. Происходит кардинальная перемена в отношении к самому наказанию, его сути и роли в механизме правового регулирования общественных отношений. Это значительно шире, чем реализация начала гуманизма в данном институте: означает подчиненность другим категориям, находящимся над уровнем уголовно-правовых отношений, выполняет при этом роль средства обеспечения государственной политики в построении общества нового порядка.

В свою очередь доминирование каждой новой идеи, безусловно, оказывается определяющим для сферы уголовно-правового регулирования. От того, что будет выбрано в качестве главного начала — эффективность или свобода — зависит конкретное содержание уголовно-правового воздействия, которое начинает приобретать характер мер, обслуживающих новые начинания,

либо соответствовать реальным целям противодействия преступности. «...От выбора типа идеологии в сфере борьбы с преступностью зависят и перспективы борьбы с ней» [14, с. 19].

Между тем, в ситуации доминирования постулатов постмодерна, широко трансформирующего начала толерантности и мнимой свободы, изменения в уголовно-правовой политике оказываются неизбежными, выступают в роли одного из средств формирования новой культурологической реальности. В частности, через конкретные изменения уголовного законодательства происходит фиксация уже созданного или только наметившегося представления о том или ином явлении. При этом наличие факта ответственности за инакомыслие лишь подчеркивает степень важности именно новой оценки (или, наоборот, прежней) того или иного события и недопустимости их видения в ином ракурсе². Влияние культурологической (определяющей новую ценность) составляющей на позицию законодателя по каждому из отдельно взятых вопросов часто оказывается тотальным, что и предопределяет основные направления уголовно-правовой политики. Во многом это, кстати, зависит от состояния самого общества, уровень культуры которого обуславливает и формирование, и восприятие уже принятых изменений. Соответственно, и появление в уголовном законодательстве тех или иных новелл становится возможным лишь в результате произошедшей в обществе трансформации его отношения к существующим ценностям. Культурная составляющая оказывается основной в процессе формирования уголовно-политических идей. Их наполняемость определяется не просто общим уровнем развития законодателя, но и его моральными, ценностными установками, как раз и устанавливающими содержательную часть принимаемых решений. Следовательно, снижение такого уровня неизбежно влечет за собой и трансформацию уголовно-политических идей, которые в некий момент перестают соответствовать прежним критериям. Тенденция снижения уровня морально-духовных ценностей зафиксирована не сегодня. Современные исследователи отмечают, что массы (общество) уже не ориентированы на высшие цели. «Разумнее всего признать данный факт и согласиться с тем, что любая революционная надежда, любое упование на социальное и на социальные изменения так и остаются надеждой и упованием исключительно по одной причине: массы уходят, самыми непостижимыми способами уклоняются от идеалов» [15, с. 20]. Долгое время казалось, что апатия масс должна приветствоваться властью. У последней сложилось убеждение: чем пассивнее общество, тем эффективнее можно им

управлять. «Исходя из него, она и действовала в период, когда властные механизмы были централизованы и бюрократизированы. Однако сегодня последствия этой стратегии оборачиваются против самой власти: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. Отсюда радикальная трансформация ее стратегических установок: вместо поощрения пассивности — подталкивание к участию в управлении, вместо одобрения молчания — призывы высказываться. Но время уже ушло. „Масса“ стала „критической“, эволюция социального сменилась его инволюцией в поле инертности» [15, с. 21].

Существует позиция, согласно которой данное обстоятельство обусловлено тем, что в так называемом обществе постмодерна, идеология была заменена ее противоположностью — имагологией. Она, по мнению В. Г. Федотовой «...разрушила ясную картину мира и стала фундаментом манипуляции, основанной на некоторых трактовках явления или человека, подчас не имеющим отношения к действительному положению дел, но адекватным целям манипуляции. Имиджмейкерство стало одной из форм манипуляции, попыткой показать персону, претендующую на политическое или иное лидерство, в выгодном свете. Оно часто применяется в простейшей модели PR, которая называется манипулятивной. Это обращение с объектами в связи с определенными целями (ручное управление, ручной осмотр пациента, использование инструментов в технике). В переносном смысле — обращение с людьми как с объектами, вещами, скрытое управление ими посредством ловко придуманных схем коммуникации, властное воздействие на поведение людей, не раскрывающее ожидаемых целей и создающее иллюзию, что манипулируемый сам пришел к навязываемым ему решениям» [16]. Именно в этих целях были нарушены и границы науки [17, с. 96], которая, по мнению некоторых специалистов, перестала существовать как таковая в связи с принципиальным отказом от любых теорий, что позволило изменить процесс познания и способность самостоятельной оценки каждым индивидуумом происходящих процессов.

Для достижения требуемых результатов в данном направлении основному воздействию также должны были быть подвергнуты базовые морально-нравственные ценности, что позволило бы не только снизить активность масс, но и обеспечить принятие требуемых решений, включая сферу уголовно-правового регулирования. В конечном счете, это привело к тому, что внушение чувства стыда, совершенно необходимое в саморегуляции поведения индивидуума [18, с. 37],

перестало быть тем инструментом, с помощью которого можно было бы убедить граждан в соблюдении норм уголовного права и вызвать у них заинтересованность в законопослушном образе жизни в целом [19, с. 49]. Для этого нет нравственных, моральных оснований, так как общественным сознанием прежняя система ценностей была отвергнута, а новая предлагает постулаты, прямо противоположные ранее существовавшим. В то же время постепенно происходит (и отчасти уже произошло) приспособление к реальному положению вещей, когда общество не просто молчит, а воспринимает все как норму, действует одобрительно. Это стало возможным за счет смены системы ценностей, повлекшей за собой дезориентацию общественного сознания, раздрганного всевозможными PR-технологиями и задурманенного ложными постулатами, в результате чего оно осталось без необходимых ориентиров своего развития, стало разрозненным, неодухотворенным, безыдейным. В данном случае нельзя не согласиться с В. Н. Фадеевым, который отмечает, что массовая культура сегодня «...не просто игнорирует традиционные ценности, веками обеспечивавшие стабильность и развитие общества, но прямо направлена на их разрушение», что несет несомненную выгоду с позиции его манипулирования [20, с. 22].

Образовавшаяся пустота, хотя и с опозданием по сравнению с Западом, начала заполняться категориями постмодерна, которые постепенно, но последовательно расшатывают остатки традиционной для России ценностно-ориентационной системы. В данном случае уголовно-правовая политика выступает, скорее, в роли механизма, средства. За счет его реализации происходит закрепление промежуточных достижений таких идей. Интересно, что на основе анализа действующего уголовного законодательства, а также тех изменений, которые в него вносятся, можно сделать некоторые выводы: во-первых, о существовании таких достижений, а во-вторых, о степени их неоднородности, возникающей за счет столкновения идей принципиально различного рода на уровне органов высшей государственной власти и их продвижения в процессе законотворческой деятельности. Среди таких «достижений» или промежуточных итогов активного лоббирования именно факторов социокультурного характера принципиально нового свойства можно с уверенностью выделить новеллы, прежде всего направленные на разрушение представления о государстве как об основном регуляторе общественных отношений³. В частности, это включение в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)

п. «о», официально закрепляющего неравенство⁴ уголовного закона на основе статуса лица, совершившего преступление. В ситуации, когда представитель власти оказывается в роли субъекта правоотношения, а правовая регламентация его ответственности осуществляется наряду с лицами, в действиях которых усматриваются признаки рецидива, речь следует вести о некой демонстрации позиции по отношению к власти и самой возможности ее реализации. Ее уравнивание с таким явлением, как рецидив, выглядит проявлением политической воли, выраженной в циничной форме, и никак не может рассматриваться с доктринальных позиций. Налицо подрыв одной из базовых ценностей — приоритета государства в регулировании общественных отношений и недопустимости преступного воздействия на данную сферу. Следует упомянуть о том, что данное начинание получило соответствующее развитие в законодательном закреплении исключительных прав уже у другой категории граждан Российской Федерации — предпринимателей. На это обстоятельство указывает появление в УК РФ одной только ст. 76². Сам факт такой трансформации позволяет вести речь о развитии Уголовного кодекса по пути его кастовости, который все меньше соответствует конституционному принципу равенства всех граждан перед законом. В этом же ряду стоят и изменения УК РФ, которые были заложены в него еще при его разработке. Тогда традиционная иерархия ценностей была заменена на чуждую российской ментальности и историческим предпосылкам систему, что произошло за счет признания приоритета личности над интересами государства. Это носит вполне системный характер, является следствием процессов, происходящих на мировом уровне. Российское законодательство в этом отношении следует в строго заданном направлении, постепенно теряя свою идентичность и, более того, официально фиксируя такую утрату.

Все указанные и многие другие изменения отечественного уголовного законодательства были заданы идеями постмодерна. Для них характерно отрицание ранее существовавших ценностей, разрыв с реальной действительностью, в которой государство, по мнению апологетов постмодернизма, занимает слишком много места. Основным итогом их продвижения на Западе стало то, что постепенно поведение людей начало определяться не политико-идеологическими концепциями, как это было еще совсем недавно, а уровнем культуры, соответствующим каждому индивидууму отдельно [21, с. 23]. Граждане перестали ассоциировать себя с государством в связи с утратой его авторитета [22, с. 80]⁵ в общественном сознании [23, с. 42], именно это, а

не ослабление репрессии является первоосновой роста преступности. Такое падение авторитета мы наблюдаем сегодня и в российской реальности, где отношение к УК РФ со стороны правоприменителя, обывателя и лиц, совершивших преступление, и уже осужденных, стремительно ухудшается. Нестабильность уголовно-правовой политики, обусловленная внедрением в ее содержание чуждых нашему обществу идей и их закреплением на официальном уровне, выступает первопричиной нивелирования степени значимости уголовного закона в противодействии преступности. Между тем падение авторитета основного средства такой деятельности имеет далеко не только имиджевые потери, но и влечет за собой вполне реальные утраты, позволяет с большей легкостью преступить порог запретного одним и вызывает неверие в кару и возмездие у других. Следует отметить, что справедливость как правовая категория всегда находилась под давлением субъективного фактора, но в нынешних условиях ее критерии оказались под мощным воздействием совершенно иной системы ценностей, что ставит под сомнение саму возможность адекватности оценки происходящего на всех уровнях.

Законодатели в этом отношении не исключение. Являясь обычными гражданами, подверженными происходящим процессам и уже воспитанными в духе идей постмодерна, они, оказавшись в роли законотворцев, «творят» в свете новых начинаний. Причины нестабильности, некомпетентности и неадекватности уголовного закона следует искать не в слабости (хотя, безусловно, этот аспект нельзя полностью исключать) законодателя, а в реальном воплощении им начал отрицания, столь характерных для постмодернизма. Они лишь фиксируют постулируемый Ю. Хабермасом «распад организованного модернизма» и переход к «рефлексивной современности» [24, с. 598], более того, отчасти создают такую современность. Метания, являющиеся типичными для правовой регламентации уголовно-правового воздействия, которые мы наблюдаем сегодня, обусловлены представлением и даже убежденностью законодателя в том, что именно так должно быть. Это свидетельствует об изменении сознания на всех уровнях. Критика не доходит до адресата прежде всего в связи с идейным неприятием выдвигаемых в ее рамках аргументов. Хотя, конечно, общество так же, как и законодатель, неоднородно, что наблюдается, в том числе в характере изменений, вносимых в уголовный закон. Часто они идейно противоречат друг другу, таким образом отражают всю глубину постигшего нас кризиса, проявляющегося со всей мощью в уголовно-правовой сфере. Несомненный в этом

отношении интерес представляет следующий пример. В июле 2016 г. в УК РФ были внесены изменения, направленные, по сути, на разрушение семьи — базовой социокультурной ценности, деформация которой влечет за собой далеко идущие последствия. Практически мгновенная (по меркам деятельности законодателя) реакция (начало 2017 г.) в виде отмены этих положений уголовного закона лишь подтверждает факт противостояния различных по своей природе систем ценностей⁶. На современном этапе происходит столкновение двух культурологических моделей: реальной, отрицающей возможность ответственности за физическое наказание своих детей, и предполагаемой, где такой запрет должен стать прежде всего *социально одобряемым*.

Использование средств уголовно-правовой политики в комплексе с другими мерами, находящими соответствующую поддержку в массмедиа, направлено именно на формирование новой культурной реальности, в которой не остается места ранее существовавшему представлению о той или иной ценности, взамен чего предлагается новое видение. Оно формируется и за счет уголовно-правовой политики, которая существует не сама по себе, а крайне зависит от доминирующих в обществе идей и возникает под их началом. В свою очередь характер отрицания, определяющий их, и общее направление тотальной смены всего предваряется трансляцией этих идей на уровне всевозможных концепций⁷, отдельно взятых решений, в том числе международных организаций⁸ и т. д., оказывающих серьезное идеологическое воздействие на общественное сознание. Не имея государственного, т. е. единого источника своего происхождения и, более того, будучи направленными на слияние отдельно взятых (вплоть до частных) интересов в общую систему ценностей, они начинают привносить сюда собственные элементы. Отсюда мы получаем фрагментарное, обрывочное развитие, не имеющее ничего общего с движением системы уголовно-правового воздействия.

Фрагментизация уголовной политики, о которой пишет Я. И. Гилинский [25, с. 97, 98], лишь усиливает эффект ослабления влияния средств уголовно-правового воздействия на происходящие процессы. Номинально их становится больше, но фактическое влияние этих средств ослабевает. Это и есть один из итогов реализации идей постмодерна, в рамках которого проповедуется «нетерпимость к сильной государственности» [26, с. 15] наряду с весьма агрессивными формами оправдания отклоняющегося поведения [27, с. 57]⁹. В результате стирания граней между дозволенным и недозволенным, девиантным-разрешенным и девиантным-запрещенным были дезориентированы все: законодатель,

правоприменитель и граждане. В связи с этим сегодня мы оцениваем законодателя с позиции «взбесившегося принтера» [28], а правоприменителя и обывателя можно только пожалеть, поскольку ориентироваться в сложившихся условиях невозможно.

Перспективы ухода от фрагментизации, основанной на описанных выше процессах, не просматриваются, что, к сожалению, делает недостижимой поставленную И. М. Клейменовым цель формирования «конструктивной уголовной политики» [29, с. 12, 13]. Подчиненность уголовно-правового воздействия и его формирования процессам общественного развития ставит вопрос о дальнейшем росте феномена бессилия уголовного закона, а не о каких-либо позитивных процессах, которые в ближайшее время могли бы с ним происходить. Здесь нельзя не согласиться с мнением Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева о том, что чем больше законодатель криминализирует деяния, тем более бессильным становится уголовно-правовое воздействие [30, с. 424, 425]. Поспорить можно лишь с тем, что оно в такой ситуации становится более репрессивным. Скорее, нужно вести речь о полной утрате его адекватности, несоответствии началам целесообразности и справедливости, появлении (укреплении) основ кастовости и, соответственно, деградации не только с позиции технико-юридических свойств, но и даже в большей степени с точки зрения его моральных и духовно-нравственных начал. В то же время логика в происходящем, безусловно, присутствует. Она задана ранее чуждыми нам идеями постмодерна, которые, однако, не прекращают своего существования. Их реализация на мировом уровне влечет за собой последствия вполне определенного характера. Постмодерн, производящий опустошительное воздействие, в том числе в исследуемой сфере, сегодня видится как явление фатального характера. Продукты его реализации в полном объеме наблюдаются в уголовно-правовой сфере.

Примечания

¹ Нильс Кристи отмечает, что «...в наши дни некоторые тюрьмы выглядят, как современные мотели, другие похожи на школы-интернаты. Приличное питание, работа и обучение, совместное содержание мужчин и женщин в грешной Дании, супружеские визиты в Швеции — все это выглядит как отдых за счет налогоплательщиков» [12, с. 23].

² Так, появление в УК РФ ст. 354, устанавливающей ответственность за реабилитацию нацизма, является прямым следствием происходящих событий геополитического масштаба и возникшей потребности в усиленной охране ценности, ранее не подвергавшейся сомнению. В качестве противоположного примера, указывающего на формирование новой реальности, выступают изменения в УК РФ, направленные на ослабление репрессии за целый ряд деяний, традиционно относящихся к одним из самых социально неодобряемых. Речь идет о таких составах, как мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158 УК РФ), мелкий коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291 УК РФ). Приставка «мелкое», используемая в уголовном законе и совершенно для него не свойственная, уже сама по себе формирует особое отношение со стороны субъектов правоотношения. При этом установленный размер санкции дополняет новую реальность в виде наличия в УК РФ «не очень опасных преступлений».

³ Речь в данном случае в первую очередь идет о светской модели государства.

⁴ Законодатель, определив в качестве «наиболее ответственных» лиц перед обществом и государством, почему-то забыл о других силовых и не только ведомствах. Нет ответа на вопрос о том, почему среди особой категории лиц не выделяются работники прокуратуры, сотрудники ФСБ, СВР, ГРУ, Министерства обороны Российской Федерации и другие категории лиц, полномочий у которых ничуть не меньше, чем у сотрудников органов внутренних дел.

⁵ Предпосылки утраты уголовным законом своего авторитета заложены в нем самом. Если определить в качестве приоритета охраны личность и отодвинуть на последнее место государство, сложно в конечном итоге вести речь о по-настоящему сильном Уголовном кодексе. Кроме того, с учетом той трансформации, которая происходила в нем с 1996 г., становится понятным, что снижение авторитета основного карательного акта как самостоятельная идея была заложена в нем изначально, а затем получила соответствующее выражение в изменениях, вносимых в него. В результате мы оказываемся все ближе к наиболее отрицательным образцам уголовного правосудия, демонстрируемым сегодня «толерантным западом», в ходе реализации которого многое делается для соблюдения прав подозреваемого, обвиняемого, а потом и подсудимого и осужденного. Однако говорить о том, что состояние общественного сознания и те процессы, которые характерны для уголовного закона в России совпадают, не приходится. Отсюда часто наблюдается их прямое неприятие, имеющее и крайние формы своего выражения в виде самосудов, которые становятся для нас все более типичными.

⁶ Речь в данном случае идет о так называемом «законе о шлепках», когда законодатель в качестве субъекта ст. 116 УК РФ определил близкого родственника потерпевшего.

⁷ Одним из ярких примеров является Концепция модернизации уголовной политики в экономической сфере. Ее положения успешно реализуются в действующем уголовном законодательстве. Определяя предпринимателей в качестве национального достояния, которое надо беречь, разработчики концепции к тем, кто мешает его «нормальному» развитию и функционированию, относят правоохранительные органы и сам УК РФ, определяющие сегодня границы дозволенного для бизнеса. Налицо подмена ценностей со всеми вытекающими из этого идеологическими последствиями.

⁸ См., например: Решения ЕСПЧ о неправомерности отказа в проведении гей парада в Москве; О принятии к рассмотрению (после нескольких лет раздумий) жалобы объединенной оппозиции о нелегитимности проведения выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2003 г. и др. Или: Постановление ЕСПЧ от 7 октября 2010 г. Дело «Константин Маркин против России» (жалоба № 30078/06) (извлечение), в котором формулируется вывод о доминировании в России «гендерного предрассудка», заключающегося в восприятии женщин как главных воспитателей детей.

⁹ На самом деле фрагментация уголовной политики является лишь следствием этого же процесса, но реализуемого на государственном и межгосударственном уровнях. Постмодерн, диктующий отрицание ранее признанных ценностей, отвергает и существование сильного государства, фрагментируя власть на мировой политической сцене. Сегодня требуется наличие слабых государств, которые, тем не менее, остаются государствами. Они должны выполнять функции жандарма, стоящего на страже мирового капитала и при этом не производить собственные идеи, которые бы обеспечивали хотя бы относительную их самостоятельность. Отсюда и содержание уголовной политики имеющей крен в сторону устранения государства из экономических взаимоотношений.

Список библиографических ссылок

1. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 17.01.2017).
2. Андерсон П. Истоки постмодерна. М., 2011.
3. Философия. Энциклопедический словарь. М., 2006.
4. Барак Обама объяснил, почему он не поехал на олимпиаду в Сочи. URL: // <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 05.06.2017).
5. Меркель попросила защитить права геев в Чечне. URL: // <https://meduza.io/news> (дата обращения: 05.06.2017).
6. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. СПб., 1907.
7. Клейменов И. М. Сравнительная криминология. М., 2012.
8. Гилинский Я. И. Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI в: материалы XII науч.-практ. конф. М., 2015.
9. Милюков С. Ф. Крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3. С. 38—44.
10. Данилов А. П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4. С. 27—30.
11. Яковлев А. М., Коган В. М. Вступительная статья к книге Н. Кристи Причинная боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб., 2011.
12. Кристи Н. Причинная боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб., 2011.
13. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
14. Клейменов М. П. О концепции борьбы с преступностью в России // Совершенствование законодательной и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. трудов. Омск, 1994.
15. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
16. Федотова В. Г. Манипуляция как субститут демократии. URL: <http://viperson.ru> (дата обращения: 05.06.2017).
17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
18. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.
19. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.
20. Фадеев В. Н. Внутренние и внешние угрозы безопасности России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 33—38.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М., 2007.
22. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014.
23. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2008.
24. Кацук Н. Л. Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М.; Минск, 2002.
25. Гилинский Я. И. Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк // Общество и человек. 2015. № 3—4. С. 89—99.
26. Шестаков Д. А. «Толерантное» правосознание: тюрьмы для народа и безответственность воровогачам? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4. С. 13—17.
27. Кристи Н. Удобное количество преступлений. СПб., 2006.
28. Бешенство принтера: Госдума стала принимать в три раза больше законов. // URL: <http://www.mk.ru/politics> (дата обращения: 10.06.2017).
29. Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 2015.
30. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Российский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 424—425.